

УДК 94(47).084.6

А.А. НИКОЛАЕВ

**ЧИСТКА РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА ЦЕНТРОСОЮЗА В 1930 г.:
ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье на основе материалов по чистке кооперативного аппарата в 1930 г. анализируется руководящий состав Центросоюза и кадры, попавшие в поле зрения контрольных государственных органов. Делается вывод о том, что в управляющих кооперативных организациях имелась сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение стабильных управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда был взят курс на установление системы жесткого централизованного планирования и отказ от рыночных методов работы, кооператоры с дореволюционным стажем работы оказались не только не нужны, но и опасны для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров.

Ключевые слова: потребительская кооперация, Центросоюз, Сибкрайсоюз, чистка кооперативного аппарата, частный капитал.

Кооперация в России и Сибири в дореволюционный период достигла впечатляющих социально-экономических результатов. Важную роль в определении позитивного тренда развития сыграли образованные и квалифицированные кадры, преданные кооперативным принципам и ценностям. В годы Гражданской войны и после ее окончания многие из них эмигрировали, а оставшиеся подверглись репрессиям или были перемещены на второстепенную управленческую работу, так как их взгляды противоречили новой кооперативной доктрине большевистского руководства. В Сибири первая массовая замена опытных кооперативных кадров на новых советских выдвиженцев началась в конце 1919 г. и завершилась в начале 1921 г. Многие кооператоры, получившие в официальной пропаганде ярлык «буржуазных», были арестованы органами ВЧК по подозрению в сотрудничестве с белыми или обвинялись в попытках организовать продажу товаров по спекулятивным ценам. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией торгово-заготовительной деятельности. Поэтому после вмешательства центрального руководства аресты прекратились, некоторые кооперативные руководители вернулись на руководящие должности. Так, И.А. Козловский, председатель правления Союза приалтайских кооперативов в 1917–1920 гг., арестованный органами ВЧК и содержавшийся в течение нескольких недель под арестом, был освобожден и работал в дальнейшем членом правления Сибмаслосоюза. Но основная часть руководящего состава в кооперативных союзах Сибири –

председателей, членов правлений и ревизионных комиссий – была заменена к середине 1920-х гг. [1, с. 88–91; 2, с. 33–40].

Проследить профессиональную карьеру отдельных членов правления Закупсбыта, оставшихся в Сибири после революции, оказалось возможным только по отрывочным архивным документам. В музее истории Новосибирского облпотребсоюза удалось обнаружить автобиографию В.Н. Остальцева – первого председателя правления Закупсбыта. В документе, заполненном им лично от руки в декабре 1925 г., сообщалось, что в 1921–1924 гг. он находился в заграничной командировке с целью изучения зарубежных рынков, а затем работал в Московской конторе Сибкрайсоюза сначала в качестве помощника управляющего, а затем члена правления. Во второй половине 1925 г. переехал в Новониколаевск для работы в правлении Сибкрайсоюза по торговому отделу [3, с. 60]. Дальнейшая судьба этого выдающегося организатора потребительской кооперации оставалась неизвестной. Выявленные в архивах документы показывают, что профессионалы высшей категории, к которым относился В.Н. Остальцев, члены правления Закупсбыта К.Г. Петунин, П.И. Швейцер и другие находились на управленческих должностях в системе Центросоюза вплоть до весны 1930 г., когда они подверглись чистке – кампании, инициированной ЦК ВКП(б) и направленной против кооперативного аппарата.

Центральная комиссия по чистке советского аппарата была образована в соответствии с решениями

XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23–29 апреля 1929 г. Уже 2 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление и утвердили соответствующую инструкцию, разработанную Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции. Свою работу комиссия осуществляла через специально созданные рабочие бригады, включавшие в свой состав представителей администрации, общественности и рабочих с предприятий. На местах для проведения чисток наркоматами РКИ союзных и автономных республик, областными, краевыми и окружными РКИ были созданы специальные комиссии под председательством ответственных работников РКИ. Основными целями чистки аппарата провозглашались выявление и удаление из кадрового корпуса «классово чуждых и бюрократических элементов», перестройка управления в соответствии с новыми задачами социалистического строительства. Под эти цели с помощью органов ОГПУ собирались анкетные данные о руководящем составе кооперативных работников, а комиссия по чистке подбирала компрометирующий материал о провалах в хозяйственной работе. Чистки проводились с апреля 1929 г. до середины 1931 г. 15 июля 1932 г. решением ЦКК – НК РКИ комиссии были упразднены.

Документы фонда «Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ» (Ф. Р-8341 за 1926–1932 гг.) Государственного архива Российской Федерации, которые до сих пор использованы исследователями в незначительной степени, содержат богатейшую информацию о социально-политической обстановке в стране. Они позволяют раскрыть механизмы реализации государственной политики, показать методы и способы подавления рыночного потенциала российской потребительской кооперации.

Документы фонда содержат три группы источников:

- руководящего характера: постановления, циркулярные письма, выписки из протоколов, инструкции по проверке и чистке советского аппарата, исходящие от ЦК ВКП(б), СНК СССР и РСФСР, НК РКИ;
- разнообразные документальные источники, отложившиеся в ходе работы самой комиссии;
- материалы проверок различных учреждений: протоколы, стенограммы заседаний комиссий по чистке, доклады и справки о результатах чистки, переписку. В составе данной группы имеются документы, характеризующие сотрудников и руководителей аппарата управления и деятельность Центросоюза в целом, в том числе московского представительства Сибкрайсоюза за 1930 г.

Докладная записка «Об итогах чистки аппарата Центросоюза» была подготовлена комиссией под председательством Озерского и легла в основу решения Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР¹. В этом обширном документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза в первую очередь с точки зрения политичес-

кой благонадежности и лояльности по отношению к Советской власти с учетом дореволюционного прошлого. Учитывались и такие существенные критерии, как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. Вот несколько характерных примеров, содержащих персональные данные.

П.С. Басов – член правления Центросоюза, в 1929–1930 гг. руководитель Торгстроя (управление торгового строительства). Не выполнил задание по разработке проектов нефтехранилищ. Допустил необоснованную переброску 5 тыс. бочек цемента во Владивосток и 100 вагонов леса в Астрахань. Поощрял частного, передав ему свыше 45 % гужевых перевозок. По социальному происхождению сын кулака, работал до революции в земской управе, в 1917 г. был губернским комиссаром Временного правительства².

Н.В. Некрасов – руководитель Планово-экономического управления Центросоюза РСФСР. Бывший член ЦК кадетской партии (1907–1917 гг.), бывший министр путей сообщения, финансов и заместитель председателя Совета министров четырех составов правительства А.Ф. Керенского. После установления советской власти скрывался, находясь на нелегальном положении. В Центросоюзе с 1922 г. В декабре 1928 г. на заседании правления Центросоюза яростно доказывал, что основные источники накопления средств в потребкооперации за счет рационализации товародвижения и повышения нагрузки на аппарат исчерпаны³.

П.И. Швейцер – в годы Гражданской войны являлся членом правления Закупсбыта, а с восстановлением советской власти – членом коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза, в 1930 г. входил в правление Центросоюза. Обладал информацией о заготовках рыбы в Астрахани через частных и пытался доказать комиссии по чистке, что он против сотрудничества кооперации с мелким частным капиталом⁴.

К.Г. Петунин – видный и активный деятель РСДРП (меньшевиков) в 1905–1918 гг., член правления Закупсбыта в 1916–1920 гг., в начале 1920-х гг. являлся членом коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. С 1922 г. член правления Центросоюза. Выдвигал и защищал идею создания самостоятельного финансово-кредитного центра потребительской кооперации – Покобанка, преследуя цель создать замкнутое финансовое обращение в системе потребительской кооперации. Госбанк, по его мнению, мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе. В 1929–1930 гг. работал заведующим финансовым отделом Центросоюза. Выступал в защиту финансовых интересов системы Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств в государственный бюджет⁵.

Панченко – заведующий группой промтоваров Транспосекции Центросоюза. Сын купца, бывший активный эсер, неоднократно арестовывался советской властью. Нэл он

² Там же. Л. 5, 17.

³ Там же. Л. 13 об., 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 9 об., 10 об.

¹ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 3–23 об.

оценил как начало восстановления капитализма и ушел из кооперации в частную фирму. После возвращения в аппарат Центросоюза сознательно устанавливал завышенные цены на товары своей группы и противодействовал увеличению реальной зарплаты рабочим.

Абрамов – руководитель группы капитального строительства Планово-экономического управления Центросоюза, бывший эсер, активно работавший в своей партии, член II Государственной Думы, член Учредительного собрания. В 1918 г. являлся министром комитета Учредительного собрания в Самаре. Эвакуировался к белым в Сибирь, где работал в кооперации на крупных должностях, несколько раз арестовывался органами ВЧК как активный эсер, был судим. До революции занимался торговлей, имел в Самарской губернии склад сельхозмашин. В планировании капитального строительства проводил теорию затухающей кривой, в соответствие с которой размеры инвестиций в новое строительство по мере освоения объектов должны снижаться⁶.

Столь резкие оценки руководящих кооперативных работников с акцентом на их политическое прошлое носили явно заказной характер. Но из приведенной информации также следует, что практически все перечисленные руководители, в сущности, защищали корпоративные хозяйственные интересы Центросоюза от поползновений государства. Особенно отчетливо это прослеживается по характеристике К.Г. Петунина, выступавшего за создание автономного кооперативного банка потребительской кооперации и против изъятия из системы оборотных средств. Позиция главного кооперативного финансиста всецело диктовалась стремлением защитить экономические интересы Центросоюза, финансово-экономическое положение которого оказалось на грани банкротства. В 1929/30 г. потребительская кооперация по решению правительства должна была изъять из оборота 500 млн руб. на нужды индустриализации, в то время как на март 1930 г. неплатежи государственной промышленности и Госбанку составили 275 млн руб. Финансовое напряжение неумолимо нарастало под давлением фискальных устремлений государства и отсутствием у пайщиков достаточных средств для уплаты паевых взносов, вкладов и авансов. Намеченные размеры изъятий, по мнению К.Г. Петунина, были не выполнимы. В письме, разосланном на места 24 октября 1929 г. он сообщал, что в случае выполнения намеченной правительственной программы Центросоюз потеряет как по линии кредита, так и за счет дополнительных отчислений в бюджет сумму в нескольких сотен миллионов рублей. В своем докладе на заседании правления Госбанка 5 марта 1930 г. он сообщал, что Центросоюз 9 и 10 февраля ставил вопрос о переоценке возможностей потребительской кооперации, которая нуждается в финансовой помощи⁷.

Стиль и методы проведения чистки, отрыв работников от выполнения должностных обязанностей, кри-

тика компетентных руководителей вызывали неоднозначную реакцию со стороны партийно-профсоюзного актива Центросоюза. В докладной записке отмечалось, что в ряде организаций местный актив встал на сторону проверяемых. Деятельность тех, кто пытался противодействовать работе комиссии, квалифицировалась как скрытое сопротивление, стремление замазать провалы, вскрытые рабочими бригадами. Под давлением партийных функционеров многие местные активисты вынуждены были изменить свое отношение к начальству с положительного на отрицательное. «Лишь после того, как комиссия по чистке в процессе своей работы со всей решительностью ударила по враждебным и гнилым элементам в аппарате, – говорилось в документе, – среди служащих произошло расслоение, в результате чего лучшая часть служащих во главе с новым руководством месткома переклонила на активную действенную помощь рабочим бригадам и комиссиям по чистке. Однако часть аппарата, в том числе и ряд партийцев, продолжали проявлять к чистке нетерпимое отношение, частично мешали чистке, брюзжали, окрыляя тем самым бюрократические элементы аппарата»⁸. Руководители партийной ячейки Центросоюза Белов и Хохлов выступали против «жестких методов» чистки. А правление и ревизионная комиссия Центросоюза дистанцировались от проводимой кампании и не представили рабочим бригадам никаких компрометирующих материалов.

Чтобы полностью дискредитировать хозяйственную работу Центросоюза, а затем направить ее в русло приоритетных задач строительства социализма, была проведена обширная работа по выявлению недостатков и предъявлены конкретные претензии руководителям основных подразделений. В условиях проведения революционной ломки общественных отношений конца 1920-х – начала 1930-х гг. поиск компрометирующих материалов не представлял особой сложности.

Центросоюзу ставилось в вину то, что сеть снабжения лесозаготовок (ларьки, палатки и пекарни) не была своевременно развернута. Пункты товарного снабжения оказались оторванными от непосредственных мест лесозаготовок на 15–20 км, а завоз товаров осуществлялся с перебоями и в несоответствующем ассортименте. Валенки и шубы попали в лесозаготовительные районы только весной. Вместо рукавиц, брук, фуфаяк, махорки в эти районы направлялись дамские платья, детская одежда, галстуки, одеколон, пудра. Снабжение лесозаготовок плодоовощной продукцией было сорвано, так как заготовка началась только в декабре 1929 г., а отгрузка – в феврале 1930 г. во время сильных морозов в утепленных вагонах, что удорожало стоимость овощей. Остродефицитными оказались на лесозаготовках и макаронные изделия, и консервы. Это было достаточно серьезное обвинение, поскольку снабжение лесозаготовителей приравнива-

⁶ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 8 об., 9.

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 4.

лось правительством по значению к снабжению хлебозаготовительных районов.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. принял решение о повышении уровня реальной зарплаты рабочих на 12 % [4, с. 14], но потребительская кооперация, по заключению комиссии, не выполнила данной установки. В бюджетах рабочих и их семей высокой оставалась доля товаров, приобретенных в частной торговле. Потребительская кооперация не смогла организовать собственное производство и рационально распределить товарные ресурсы. Чаще всего ответственные работники и специалисты Центросоюза не понимали сущности партийной директивы, а многие даже не были с ней знакомы. Колоссальный рост цен в сфере частной торговли, особенно коснувшийся продовольственных товаров, привел к срыву планов по повышению реальной зарплаты. Руководство Центросоюза и Церабкоопы не развернули строительство пригородных подсобных хозяйств, не обеспечили своевременно снабжение семенами, орудиями труда, агрономическим обслуживанием посевную кампанию в огородных хозяйствах. Значительные площади ушли под картофель и кормовые травы вследствие недосева овощей. Не было выполнено задание о постановке на откорм свиней, о создании прудовых хозяйств и увеличении производства рыбной продукции на малых водоемах.

Но самое главное, в основу распределения товара между городом и деревней закладывался не классовый принцип, а покупательные фонды населения, в результате чего распределение товаров среди рабочих проводилось также на основе общих цифр о численности населения, пайщиков-членов профсоюзов и размера паевого капитала. Допускались ошибки и в распределении товарных фондов по районам. На новостройки, где до 70 % работников были мужчины, было отправлено большое количество дамского готового платья. При составлении планов централизованного снабжения Церабсекция значительно уменьшила численность рабочих на новостройках; все эти недостатки вызвали отток рабочей силы и увольнение рабочих.

Что касается обслуживания колхозов и совхозов, то Центросоюзу в вину ставилось отсутствие планов по развертыванию сети торговых пунктов в районах сплошной коллективизации, недооценка работы по развитию хлебопечения и общественного питания, созданию специальных фондов с целью снабжения коллективного сектора промтоварами и бытового обслуживания колхозников, игнорирование работы с беднотой и батрачеством. Особенно жесткой критике подверглась практика осуществления торговых сделок с частными предпринимателями и, прежде всего, работа Центросоюза и его Астраханской конторы по кредитованию и авансированию рыбопромышленников.

Весной 1928 г. после указаний Наркомторга об ограничении частника в Астрахани астраханская контора завалила Центросоюз письмами, добиваясь отхода данного постановления и создания благоприят-

ных условий для частника. Частник, пользуясь конкуренцией между госорганами и кооперацией, не ограничивался продажей только сельди, а навязывал принудительный ассортимент рыбы, в том числе малосоленую рыбу и сушеную воблу, которые вынужден был закупать рыбный отдел. Частник же кредитовался астраханской конторой Центросоюза на значительные суммы под рыбу-сырец в ущерб собственным промыслам. Причем условия расчета были лучше по сравнению с Госрыбсиндикатом. Договор заключался таким образом, что 50 % выдавали наличными под рыбу, которая еще только попала в чан. При этой комбинации и происходило финансирование рыбных заготовок частника, причем в чанах никто количество не проверял. Под выданные авансы частник разворачивал свою деятельность. В результате планы заготовок рыбы по промыслам Центросоюза в Астрахани выполнялись только наполовину. Незаконные и невыгодные сделки с частником заключались и по другим направлениям хозяйственной работы. Московское представительство Сибкрайсоюза купило у концессионной фирмы «Спартак» недоброкачественных суконных товаров по ценам, превышавшим установленные государственным трестом на 100 %, на сумму до 600 тыс. руб.⁹

Заключение комиссии по чистке аппарата Центросоюза звучало как обвинительный приговор для проверяемых руководителей, не выдержавших испытания на политическую лояльность к властям и профессиональную пригодность.

Проводником линии потворства и особого благопритворства частнику являлись, главным образом, бывшие противники Советской власти и партии (меньшевики, эсеры) – люди, побывавшие у Колчака, и, наконец, политически беспринципные чиновники, лишённые собственной инициативы в хозяйственно-оперативной работе, лжеспециалисты, торгаши и делеги. <...> Обнаруженные в процессе проверки аппарата Центросоюза прорывы на важнейших участках и крупные недочеты в работе в значительной степени объясняются чрезвычайной засоренностью аппарата чуждыми и враждебными элементами, извращающими классовую линию, не понимающими и не способными осуществлять задачи, возложенные на потребкооперацию в условиях реконструктивного периода¹⁰.

Таким образом, в аппарате управления Центросоюза имела достаточно сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности, в том числе выходцы из сибирской кооперативной школы управления. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение за ними управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда правительством был взят курс на установление системы жесткого централизо-

⁹ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 5 об.–16.

¹⁰ Там же. Л. 16.

ванного планирования и отказ от рыночных методов работы, опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения новых государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров. Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения с целью модернизации промышленности за счет снижения реальной заработной платы у рабочих, экспроприации мелкой частной собственности в промышлен-

ности, торговле и сельском хозяйстве. В 1931 г. накопленная органами ОГПУ компрометирующая информация стала основанием для уголовного преследования руководящих кооперативных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Репрессии против кооперативных работников Сибири в 1920 г. // Аграрное и демографическое развития Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск, 1999.
2. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск, 2000.
3. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск, 1999.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5: 1929–1932 гг.